

Пейзаж-коллаж

Николай Касаткин в галерее "RusArta"

Критик Николай Пунин, стоявший в начале XX века у водораздела традиционного и авангардного искусства, писал: "Может статься, что все многообразие явлений в искусстве сведется в конце концов к одной проблеме: к проблеме живописного выражения нового чувства пространства". "Век нынешний и век минувший" — два века художественного осмысления чувства русского пространства, возможно, самого таинственного из всех. Два века традиции русского пейзажа, да и не только русского, унаследованы художником Николаем Касаткиным. В работах Касаткина несомненны следы воздействия пространственных концепций Венецианова, Сороки, Александра Иванова, передвижников, а также Малевича, Шагала, Фалька. Очевидны связь, общность поисков с современниками: Булатовым, Васильевым, Гроисцким, Кабаковым, Чуйковым, Шаблавиным. В них звучат и "голоса", мотивы из Сезанна, Ван Гога, Моне... Но эта коллажность — все-таки фон для главного голоса, авторского. Галерея "RusArta" взяла на себя смелость представить зрителю камерную ретроспективу мастера. Ведь московским зрителям 90-х Касаткин хорошо известен серией высоко оцененных художественной критикой выставочных про-

ектов, каждый из которых очерчивал, особо выделял одну из граней его "картины мира". То иллюзорность, то светоносность, то обратимость пространства и времени. Инструментарий — Левитана и Куинджи. Осмысление — современного радикала, постконцептуалиста.

Восхищает предельная открытость творца своему зрителю, приглашение не только на эмоциональное сопереживание картине, но и в какой-то степени на сотворчество. Ведь, работая над произведением, Николай Касаткин учитывает опыт создания традиционной для передачи русского пейзажа "картины в раме", пусть даже и "авангардной", порожденной XX веком, например, экспрессивной или примитивистской. Художник идет дальше: он необозримо расширяет круг возможностей, создавая тип картины как пространственного объекта, картины как прочного мостика зрителю в реальный пейзаж, при помощи множества разнообразных приемов и решений максимально сокращая мыслимую дистанцию между натурным мотивом, природой и наблюдателем картины.

Каждая его работа — зримое, очевидное приглашение "войти" в пейзаж, "осмотреться в нем", прочувствовать возможность дышать в нем полной грудью, не ощущая сквозня-

ков и выхлопов — и образно, и буквально. Дышать пространством. Касаткин может даже незаметно "спрятать" в композиции хрестоматийные пейзажи Шишкина или Федора Васильева. Потому любимый мотив Касаткина (вид в окрестностях деревни посреди Смоленской области) воспринимается своего рода символом русского пространства вообще и одновременно экспериментальным полем для новейшего искусства. Это и есть осевой центр, средоточие всех энергетических, силовых, духовных полей авторского Я. Это — единство среди множественности всех возможных к изображению мотивов отечественной природы, результат постоянного слияния идеального и реального. Изображение именно такого пейзажа предполагает сколь угодно продлевать мотив, будто кружа внутри него, обретая его полноту, и, следовательно, утверждать изначальную нерасчлененность пространства, его бесконечность, не перестающую напоминать о себе на русской земле, безбрежность, способную примирить в этом пространстве несовместимое, противоположное, что, по Достоевскому, является важнейшим качеством бытования России.

Сергей ПОПОВ

Пейзаж Н. Касаткина

Культура. — 2001. — 23-29 авг. — с. 5